

УДК 821.111
ББК 83.3(4)

И.Н. Чернышев

**ОБРАЗЫ ДВИЖЕНИЯ
И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА
В РОМАНЕ
«БОЛЬШЕ ТЫЧКОВ,
ЧЕМ УДАРОВ» С. БЕККЕТА**

Рассматриваются смысловые предпосылки использования образов, связанных с движением, в романе С. Беккета «Больше тычков, чем ударов», а также их функционирование в контексте экзистенциальной проблематики произведения. Данное исследование предлагает новый вариант интерпретации раннего творчества писателя с позиций феноменологического анализа.

Ключевые слова: *движение, Беккет, экзистенциальная проблематика, способы передвижения, система образов.*

DOI 10.23683/1995-0640-2017-2-33-41

Чернышев Илья Николаевич – аспирант кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7 (918) 598-21-23
E-mail: deliverliver@gmail.com

© Чернышев И.Н., 2017.

Роман «Больше тычков, чем ударов» (1934) С.Беккета состоит из десяти новелл, в которых представлено жизнеописание Белаквы Шуа. Лейтмотивом повествования становится стремление главного героя избавиться от беспокойства, связанного с утратой веры в смысл собственного существования. В повседневную жизнь Белаквы вмешивается осознание стремительности потока событий, влекущих человека от рождения к смерти. Ощущение зависимости своей личности и желание оградить себя от влияния внешних обстоятельств заставляют его постоянно находиться в движении, выбирая непредсказуемые для других героев маршруты.

Раннее творчество С. Беккета подробно изучалось такими зарубежными литературоведами, как Джон Пиллинг, Юджин Уэбб, Джон Флетчер. Монография Пиллинга стала первым детальным исследованием, посвящённым истории написания «Больше тычков, чем ударов» и анализу использованных в нём образов. Однако факт связи перемещений беккетовских персонажей с их поисками экзистенциальных основ существования до сих пор не становился предметом специального рассмотрения, поэтому мы полагаем, что данная статья позволит взглянуть на роман под другим углом.

Отправной точкой для Беккета стал роман «Мечты о женщинах красивых и так себе» (1932), представлявший собой первую попытку писателя обратиться к крупной форме, которая оказалась неудачной, так как рукопись была отвер-

гнута издательствами. Имеющийся художественный материал писатель использовал при создании нового произведения. Инициалы главного героя (*B.S. – Belacqua Shua*) являются анаграммой первых букв имени самого Беккета, что наталкивает на мысль об автобиографичности образа Белаквы. Новеллы, расположенные в хронологическом порядке, не связаны единым стилем или сюжетом, однако, благодаря внутренней эволюции главного героя, могут рассматриваться как главы романа.

Произведение создавалось в течение двух лет. Написанию предшествовало знакомство автора с парижской богемой, интеллектуальным центром которой являлся другой великий ирландский писатель Д. Джойс. В это время Беккет принимает окончательное решение отказаться от преподавательской карьеры и посвятить себя литературе. Возвращение в Дублин и окончание Trinity College остро поставило перед ним вопрос выбора дальнейшего пути. Публикация нескольких стихотворений и критических статей не принесла ожидаемого материального благополучия, поэтому он приступил к созданию произведения, с помощью которого рассчитывал обеспечить себе определённую степень независимости. В письме к своему другу Томасу МакГриви Беккет утверждает, что причиной создания романа служит также боязнь умереть со скуки [Letters of Samuel Beckett, p. 157].

Увлечённый изучением метода, который Джойс использовал в своих романах, автор стремился наполнить текст литературными реминисценциями, адаптированными им для нового контекста. Рецензент романа «Больше тычков, чем ударов» в журнале Dublin Magazine назвал писателя очень умным молодым человеком и выразил мнение, что «тот изучил Улисса так же хорошо, как шотландский пресвитерианин свою Библию» [Baig, 179].

В ранних произведениях Беккета мы находим аллюзии как к произведениям Джойса, так и к христианской традиции. К примеру, название анализируемого нами романа отсылает читателей к цитате из Деяний Апостолов: «Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна (*to kick against the pricks*)» (Деян. 9:3-5).

Круг чтения Беккета в эти годы включал в себя «Божественную комедию» Данте, философские труды Декарта и его последователя Гёлинкса, чья идея о необходимости управлять своей судьбой, не принимая в расчёт проявления внешнего мира, оказалась особенно близка писателю. Отсылки к Данте и картезианской философии напоминают читателю о мире, предшествовавшем появлению современного поколения. Писатель показывает, как прежняя уверенность в рациональном мироустройстве превращается в привлекательную, но недостижимую цель для человека XX в. Известно также, что писатель был знаком с русской литературой: в письме () он ссылается на роман Ф.М. Достоевского «Бесы».

Кроме того, основой для «Больше тычков, чем ударов» послужили фразы и ситуации, полученные писателем в результате художественной обработки собственного жизненного опыта. В письме к Томасу МакГриви от 8 ноября 1931 г. Беккет пишет: «Мне кажется, что во время прогулок разум пребывает в приятной, меланхолической вялости, становится перекрёстком воспоминаний из детства» [Letters of Samuel Beckett, 93]. В такую вялость погружается постоянно и главный герой.

Взаимодействие внутреннего мира человека с его передвижениями в пространстве неоднократно становилось центральной темой философских трудов. В своей работе «Поэтика пространства» феноменолог Гастон Башляр пишет о том, что, несмотря на привычную для человека хронологичность восприятия бытия, «мы знаем лишь последовательность фиксаций в некоторых пространствах стабильности нашего существования» [Башляр, с. 40]. Философ утверждает, что пространство преобладает над временем в процессе восприятия сознанием собственного бытия, поэтому нам кажется целесообразным исключить временной аспект из исследования.

Передвижения в пространстве происходят чаще всего осознанно и остаются в нашей памяти, которая наделяет посещённые нами места эмоционально окрашенными ассоциациями. Об этом в книге «Изобретение повседневности» пишет философ Мишель де Серто. Рассуждая, в частности, об особенностях городских прогулок, которые человек неизбежно совершает, он сравнивает ходьбу с речевым актом и говорит о том, что своими шагами пешеход «присваивает топографическую систему» [de Certeau, p. 98] по аналогии с тем, как говорящий присваивает себе язык, и «увязывает различные места в некую систему отношений».

Развивая идею о связи пространства и сознания, философ и антрополог Тим Ингольд в своём сборнике эссе «Восприятие окружающей среды» утверждает, что с помощью изменений рельефа контуры пространства становятся частью телесного опыта, оставляя таким образом след в нашем воображении [Ingold, p. 203].

Наличие теоретической базы, подкреплённой философскими трактатами, позволяет нам исследовать передвижения Белаквы по художественному пространству романа в их взаимосвязи с внутренними переживаниями персонажа.

В романе мы встречаем две константы, проходящие через все новеллы: характер Белаквы и пространство Дублина. Герой блуждает по лабиринтам городских улиц или взбирается на вершины дублинских холмов, оставаясь погружённым в свои размышления о жизни, свободе и смерти, избегая работы и взаимоотношений с людьми, которые потребовали бы от него большой затраты энергии. Он чувствует себя изолированным, потому что не способен делиться проявлениями своей духовной жизни. Однако потребность отвлечься от фундаментальных страданий, причиняемых бытием, заставляет его постоянно искать объекты для коммуникации. По этой же причине герой испытывает тягу к постоянному передвижению с места на место. С помощью спонтанных прогулок он

конструирует для себя иллюзию, которая помогает временно избавиться от гнетущего ощущения предопределённости. Но лень и эгоцентризм, заложенные в характер героя, нередко заставляют его подолгу оставаться на одном месте. Существование вопреки этим противоречиям становится основой для проблематики романа. При этом перемещениям Белакувы и образам, связанным с движением в целом, писатель уделяет большое внимание.

Экзистенциальные темы, волнующие главного героя романа «Больше тычков, чем ударов», стали отражением внутренних страданий самого писателя. Жизнь Беккета в период написания новелл была омрачена несколькими крупными несчастьями: в мае 1933 г. умирает от туберкулёза кузина писателя, Пегги Синклер, в которую он был влюблён, а через месяц уходит из жизни его отец. Беккет тяжело переживает смерть отца, который всегда являлся для него примером весёлого и беззаботного человека с крепким здоровьем. Под влиянием данных событий писатель высказал в частной беседе мнение о том, что человеческое существование – это болезнь, которая начинается в младенчестве [Vair, 170]. При этом он подчёркнул, что неспособность самостоятельно передвигаться присуща человеку в начале и в конце жизни. Таким образом, призыв Джойса брать, в первую очередь, те темы, которые лучше всего известны автору, нашёл своё воплощение.

В первой новелле «Данте и омар» автор описывает события, организуемые повседневность главного героя. Его маршрут состоит из запланированных точек (продуктовая лавка, паб, рыбная лавка, место, где проходят занятия итальянским языком, дом тётки) в запутанном городском пространстве. Уже в начале романа подчёркивается, что Белакуве сложно передвигаться, он хромотает, «his feet in ruins» [Beckett, p. 7]. Предположим, что таким образом Беккет заявляет о неполноценности своего персонажа.

Центральным событием в новелле становится столкновение главного героя с темой смерти: омар, которого Белакува покупает и приносит тётке, мучительно погибает в кипящей воде. Находясь в неведении относительно того, как готовят омаров, герой видит странную картину по пути домой: на углу улицы лежит лошадь, на голове у которой сидит человек. Не менее странной кажется его реакция: «Я знаю, – подумал Белакува, – что так принято делать. Но почему?» [Beckett, 13]. Очевидно, эти слова связаны со следующим эпизодом, когда герой наконец узнаёт правду.

Функцию провозвестника смерти выполняют и другие образы, связанные с движением. Белакува видит велосипедиста, который зажигает уличные фонари «и оставляет жёлтые огоньки в ночи, орудуя факелом как шпагой» [Beckett, 13]. В данном контексте примечательно, что новелла, в которой главный герой умирает, называется «Yellow». Третьим знаменем становятся фигуры мужчины и женщины: «Она повисла, зацепившись руками за перила, низко опустив голову; он стоял лицом к ней, очень близко, его руки безвольно свисали вдоль тела» [Beckett, p. 13]. Внимание Белакувы привлекает неподвижность этих фигур.

Кухня, на которой омару суждено погибнуть, находится в подвале, поэтому герой спускается вместе с тётёй «в чрево земли» [Beckett, p. 14]. Движение вниз в художественном пространстве романа сопутствует умиранию: в новелле «Yellow» на вопрос Белаквы о том, на какое время назначена операция, медсестра отвечает: «Вас отвезут вниз в 12 часов» [Beckett, p. 157]. Отметим, что в начале романа часы бьют полдень. Таким образом, передаётся идея цикличности времени в восприятии главного героя.

В конце истории, когда омар попадает в кастрюлю с кипящей водой, герой успокаивает себя мыслью о том, что это быстрая смерть. Последняя фраза в новелле: «It is not» [Beckett, p. 14] – принадлежит автору, который опровергает данное утверждение. Эпизод вынесенный в финал, становится наглядным примером воззрений писателя, метафорой человеческого бытия. Умирание, по Беккету, представляет собой длительный и мучительный процесс, начинающийся с рождения, поэтому априори не может быть быстрым.

Сюжет второй новеллы начинается с подъёма Белаквы и Винни на вершину холма Фелтрим, откуда становятся видны окрестности Дублина и холм Фингал – необъятное пространство, в котором может быть реализована свобода передвижений героя. Белаква называет Фингал «волшебной землёй» [Beckett, p. 16]. Дэвид Аддимэн в своей статье «Беккет и философия места» утверждает, что в этот момент главный герой созерцает собственную жизнь, воплощённую в прогулках по холмам [Journal of Modern Literature, p. 121]. Уточним, что он видит скорее идеальный образ своей жизни, избавленной от расписаний и заданных маршрутов.

Главный герой зовёт Винни перейти с ним устье реки, своеобразный Рубикон, за которым расположена лечебница для сумасшедших – место, где, по словам Белаквы, находится его душа. Винни не воспринимает его слова всерьёз. Точно так же она оказывается неспособна воспринять красоту открывшегося перед ними простора. Героев разделяет экзистенциальное отчуждение, непознаваемость внутренних мотивов поведения Другого. В итоге Винни соглашается идти только потому, что хочет встретиться со своим другом, доктором Шолто. Для неё поход к лечебнице не имеет ничего общего с паломничеством.

Наблюдая за обитателями лечебницы с высоты расположенной рядом башни, герой обращает внимание на то, как передвигаются сумасшедшие, выведенные на прогулку: «По свистку стадо останавливалось или продолжало движение» [Beckett, p. 22]. Сравнивая больных с животными, он выражает свою неприязнь к их упорядоченному, подчинённому командам надзирателей образу жизни.

Ещё на пути к сумасшедшему дому внимание Белаквы привлекает велосипед, лежащий в траве. Впоследствии он совершает на нём побег, предварительно договорившись со своей подружкой и доктором Шолто встретиться позднее. Нарушение этого договора можно также расценивать как проявление свободы выбора. Быстрая езда на велосипеде резко

изменяет состояние героя: «...печаль слетела с Белаковки, как рубашка, сорванная ветром» [Beckett, p. 27].

Шолто, про которого говорится, что он ходит «smartly» [Beckett, p. 23], является носителем рационального начала в новелле. Он бессилен против иррационального порыва главного героя, который уезжает на чужом велосипеде только для того, чтобы избавиться от гнетущего ощущения ограниченности, подвластности чужой воле. Поэтому Шолто не догоняет Белаковку на своём автомобиле: он не способен угадать траекторию его движения.

В следующей главе «Динь-Дон» автор заявляет, что его персонаж находится на последней стадии солипсизма. Теперь движение становится для него средством обретения спокойствия. Оно представляет собой ценность независимо от места, в котором герой оказывается. Белаковка сожалеет о том, что география его перемещений ограничена недостатком материальных средств.

В начале повествования описывается наиболее частый у героя тип прогулки – прогулка-бумеранг. Выходя из дома, Белаковка занимает себя бесцельными блужданиями, чтобы в конце вновь вернуться домой. Герой движется по кругу, цикличность подчёркивается организацией текста в первых двух абзацах. Фраза о том, что прогулки приносят ему пользу, повторяется три раза с различными вариациями:

1. *The mere act of rising and going <...> did him good;*
2. *These little acts of motion <...> did do him some good as a rule;*
3. *Thanks for the little good it did him.* [Beckett, p. 31]

В качестве достоинств такого рода времяпрепровождения указывается способность героя воспринимать едва заметные знаки внешнего мира. Кроме того, бесцельному перемещению с места на место не способны помешать неожиданности.

Основной сюжет новеллы начинается с выхода Белаковки из метро на улицу. Герой садится возле памятника в ожидании знамения, которое позволит ему двигаться дальше. Его сознание окружают идеи, от которых он пытался избавиться. Белаковка размышляет о человеческом эго, лишенном развития: «Само по себе оно никуда не движется, только вокруг собственной оси, подобно сферам, но беззвучно» [Beckett, p. 33]. Знаменем становится появление слепого паралитика, которого привозят просить милостыню и увозят домой каждый день в одно и то же время. Жизнь по расписанию, неспособность самостоятельно передвигаться, зависимость от чужой воли пугают Белаковку, и он убегает в противоположном направлении.

Герой спускается по улице (отметим движение вниз), которая заполнена «суматохой автобусов» [Beckett, p. 34]. Под колёса одного из них попадает маленькая девочка. Автотранспорт связан со смертью либо увечьями также и в других новеллах. В пятой главе «Любовь и забвение» Белаковка заезжает за Руби на спортивном автомобиле, чтобы отвезти её к холму, где герои договорились совершить самоубийство. В шестой главе «Прогулка» лимузин сбивает Люси, невесту Белаковки,

вследствие чего она теряет способность двигаться и вскоре умирает. Несчастья, связанные с транспортом, проявляются и в седьмой главе романа, где друг Белакувы, выбирая ему автомобиль напрокат, резко нажимает на газ, ломая руку служащему. Повышенный травматизм, связанный именно с автомобилями, возможно, имеет связь с реальным событием в жизни писателя. В декабре 1931 г. он попал в аварию вместе со своей подругой Этной МакКарти, которая получила серьёзные увечья. Исследователи биографии Беккета отмечают, что он долгое время не мог избавиться от чувства вины за этот эпизод [Pilling, p. 58].

После происшествия с автобусом Белакува сворачивает на другую улицу и заходит в паб. Ему всегда нравилось это место, потому что здесь он находился в пространстве, где всё непрерывно функционирует: *«Бутылки разбирают и опустошают в мгновение ока, бочонки с пивом реагируют на малейшее прикосновение к их клапанам, потасканные рабочие отдыхают, подпирая рукой голову, кассир никогда не жалуется, благодарные продавцы, похожие на помощников приходского священника, летают от одного покупателя к другому – всё это было частью спектакля, от которого Белакува привык получать удовольствие»* [Beckett, p. 36].

Однако после увиденного на улице герой продолжает чувствовать тревогу. Ему хочется встать и продолжать движение, но он сидит «парализованный», в ожидании очередного знамения. В этот момент в пабе появляется женщина, на лице у которой «нет ни следа страданий». Женщина предлагает Белакуве билеты в рай: «два пенса за штуку, четыре за две» [Beckett, p. 37]. Рай мог бы стать для героя местом избавления от бесконечной цикличности времени, но продавщица сразу же добавляет: на небесах «всё крутится, и крутится, и крутится» [Beckett, p. 37]. В конце концов герой оказывается вынужденным купить билеты. Автор подчёркивает, что, выходя из бара, он выбирает направление, противоположное тому, в котором ушла женщина.

В четвёртой новелле «Дождливый вечер» Белакува получает подобное откровение от светящейся рекламы. Он идёт по улицам, украшенным рождественской символикой. Реклама мясного бульона «Vovril» демонстрирует серию сменяющихся картинок, на которых изображён сюжет прихода Спасителя. В христианской традиции рождение Христа утверждает точку отсчёта новой эры, знаменует обновление мира. В новелле факт Рождества оказывается лишённым своей значимости, а его художественная интерпретация кричаще безвкусной: *«Лимонный цвет веры разлился желчью, объявив благую весть о начале показа, расплылся лишайными пятнами безнадежного зелёного и исчез. Вывеска потухла из уважения к убиенному. Коварная красная жижа, настойчивый карминовый заполнил вывеску, задирая зелёный занавес по краям, чтобы пророчество могло исполниться, заставляя Гавриила покраснеть от смущения. Но вот занавес снова рухнул, темнота скрыла стыд, цикл закончился. Да саро»* [Beckett, p. 42]. Последняя фраза используется в музыкальных произведениях, чтобы обозначить место, откуда исполнитель должен

вернуться к началу фразы. Тем самым писатель снова показывает своему герою вездесущность цикличности.

Далее С. Беккет приводит ироничное описание богемной вечеринки, в которой принимает участие Белаква. Примечательным в контексте данного анализа становится образ безымянного Поэта. Собираясь выходить из дома, он занят сочинением очередного стихотворения. Автор рассказывает о том, что общий замысел был придуман Поэтом, когда тот возвращался из сумасшедшего дома *на велосипеде*. Другой показательный эпизод связан с главным героем, которого по пути на встречу с богемными знакомыми останавливает полицейский. Он приказывает ему остановиться, затем разрешает идти дальше, пытаясь, таким образом, управлять его волей. После этого события Белаква «быстро пошёл по выбранному им пути, невзирая на моросящий дождь, в приподнятом состоянии духа, составляя в уме замысловатые гирлянды слов» [Beckett, p. 52].

В новелле «Yellow», которая является предпоследней главой романа, Беккет останавливает перемещения главного героя, приковывая его к больничной койке. В таком положении Белаква наконец обретает состояние душевного равновесия. Неспособность передвигаться, пугавшая героя во время странствий, освобождает его разум и подготавливает к необходимости покинуть физический мир.

В последней новелле «Отбросы» друг Белаквы Кэппер Квин приезжает к его вдове на автомобиле, чтобы вместе с ней отправиться на похороны. После церемонии он везёт её к себе и по дороге признаётся в своих чувствах. Учитывая негативное отношение главного героя к автомобильному транспорту, можно предположить, что такой несчастливый конец означает его капитуляцию перед жизнью, предназначенной для успешных и быстро передвигающихся «водителей», безразличных к «едва заметным знакам внешнего мира». Размышляя о цикличности, которую он находит и конструирует вокруг себя, Белаква познаёт линейность собственного бытия и перестаёт существовать.

Подводя итог, необходимо обозначить два полярных вектора, между которыми пытается существовать герой С. Беккета: потребность постоянно находиться в движении, отражением которой становится стремление к коммуникации, отвлекающей от страданий, и потребность неподвижно оставаться на одном месте в одиночестве. В романе «Больше тычков, чем ударов», писатель постулирует невозможность освобождения от этого противоречия. Однако он не останавливается на том, чтобы вскрыть истоки вечной неудовлетворённости, заложенной в человеческой природе. Беккет показывает тщетность многочисленных перемещений своего героя: чаще всего они происходят по кругу. Детальное описание движений становится в художественном пространстве писателя инструментом, с помощью которого не только даётся характеристика персонажей, но и конструируется основная идея произведения: возможность свободного выражения воли является наивысшей ценностью и основной целью человека, осознавшего конечность своего бытия.

Литература и источники

- Башляр Г.* Избранное. Поэтика пространства. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. 376 с.
- Addyman, D.* Beckett and the Philosophy of Place // *Journal of Modern Literature*. 2010. Vol. 33. № 4.
- Bair, D.* Samuel Beckett. London, 1978. 736 p.
- Beckett, S.* More Pricks Than Kicks. London, 2012. 204 p.
- Certeau, M., de.* The Practice of Everyday Life. California, 2011. 256 p.
- Ingold, T.* The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill. New York, 2000. 280 p.
- Letters of Samuel Beckett. Vol. I. 1929-1940. Cambridge, 2009. 866 p.
- Pilling, J.* Samuel Beckett's 'More Pricks Than Kicks': In a Strait of Two Wills. London, 2011. 288 p.

References

- Bashlyar G. *Izbrannoe: Poetika prostranstva*. M., 2004. 376 p. (In Russ.).
- Addyman, D. Beckett and the Philosophy of Place. *Journal of Modern Literature*. 2010, vol. 33, no. 4.
- Bair, D. Samuel Beckett. London, 1978. 736 p.
- Beckett, S. More Pricks Than Kicks. London, 2012. 204 p.
- Certeau, M., de. The Practice of Everyday Life. California, 2011. 256 p.
- Ingold, T. The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill. New York, 2000. 280 p.
- Letters of Samuel Beckett. Vol. I. 1929-1940. Cambridge, 2009. 866 p.
- Pilling, J. Samuel Beckett's 'More Pricks Than Kicks': In a Strait of Two Wills. London, 2011. 288 p.

Il'ya N. Chernyshev (Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russian Federation)

Movement Images and Existential Problematics in the Novel by S. Beckett «More Pricks than Kicks»

The article considers the semantic prerequisites for the use of images associated with movement in S. Beckett's novel «More Pricks than Kicks» and their functioning in the context of the existential problematic of the work. A great influence on the author's early prose was made by the modernist tradition and, in particular, the work of J. Joyce. Numerous allusions and a complex system of characters, the distinguishing features of which are the peculiarities of their movement, allowed the writer to express his views on the problem of human existence. This study suggests looking at the figurative component of S. Beckett's early work from the viewpoint of phenomenological analysis.

Key words: *movement, Beckett, existential problems, modes of movement, system of images.*

Il'ya N. Chernyshev – post-graduate student. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University. Phone: +7 (918) 598-21-23; e-mail: deliverliver@gmail.com